

СПУСТЯ ПОЛВЕКА

Сим. ДРЕЙДЕН

РАССКАЗ О ВСТРЕЧЕ, КОТОРАЯ ЗАПОМНИЛАСЬ
НА ВСЮ ЖИЗНЬ

«ПРЕВОСХОДНО играют в «Художественно-Общедоступном» — до сих пор вспоминаю с удовольствием свое посещение в прошлом году...» — писал В. И. Ленин родным из Мюнхена в феврале 1901 года, вспоминая, как за год до того, в дни короткого нелегального пребывания в Москве, впервые очутился в стенах этого навсегда полюбившегося ему театра. Прошло восемнадцать лет — три войны, три революции, — пока он смог вновь убедиться в верности первого впечатления. Летом восемнадцатого года Ленин смотрит у «художников» инсценировку «Села Степанчиков» Достоевского, затем — комедию Островского «На всякого мудреца довольно простоты». Не меньшее, если не большее впечатление оставляет у него и следующая встреча с созвездием старейших мастеров театра. Тем более что на этот раз они играли пьесу любимого им писателя — Чехова.

О том, что спектакль этот очень понравился Владимиру Ильичу, давно известно из воспоминаний Н. К. Крупской. Притом считалось, что смотрел его Владимир Ильич зимой 1920 года и происходило это в основном здании театра — в Камергерском переулке, как тогда назывался нынешний проезд Художественного театра.

В дневниках В. В. Лужского, бессменно исполнявшего роль профессора Серебрякова, посчастливилось, однако, найти запись об этом посещении. И обнаружилась не только подлинная дата — 9 марта 1919 года, но и то, что это был один из самых первых «выездных» спектаклей театра. И происходил он отнюдь не в «метрополи», а в маленьком студийном помещении, когда постановка «Дяди Вани», много лет уже не шедшая в МХАТ, даже не была еще возобновлена на основной его сцене.

В том, что именно тогда, еще в ту пору пришел смотреть «Дядю Ваню» Владимир Ильич, по-своему сказались и его глубокая любовь к Чехову, и столь же давний его интерес к «русскому Художественному», и пыливое стремление посмотреть как

принимает Чехова новый зритель. И тогда стало понятнее, на что опирался Владимир Ильич, говоря о требованиях новой аудитории, вскоре после этого, в споре с Горьким: — Ей нужна и лирика, нужен Чехов, нужна житейская правда...

Как недавно удалось установить, в те же самые дни (а быть может, и в тот самый вечер?), в том же самом студийном помещении, где Владимир Ильич смотрел «Дядю Ваню», на этом же спектакле побывал и Артур Рансом, видный английский писатель, которому давал интервью Ленин. В личной библиотеке Ленина в Кремле была и книга Рансома «Шесть недель в Советской России», переизданная в 1920 году на немецком языке в Берлине. В своих корреспонденциях и дневниках Рансом описывал и посещения театров.

«Люди в Москве, нет сомнения, голодают, но театры работают, и они переполнены!» — писал Рансом. А вот что он говорил о восприятии «Дяди Вани» новым зрителем: «Эта пьеса, поставленная сегодня, воспринималась как рассказ о далеком прошлом. Между сегодняшней действительностью и жизнью, которой жили герои пьесы, словно лежала пропасть. Изображенная в ней жизнь канула в вечность... Таких людей больше нет. Одних, не способных отдать жар своего сердца революции, она сломала и отбросила в сторону. Других, и их большинство, увлек с собой бурный революционный поток, и они получили возможность работать так, как они никогда не могли и мечтать... Им она принесла новую жизнь».

И — особо о Чехове в свете нового времени: «Чехов — поистине великий художник. Великий потому, что его творения, как мост, пролегли над пропастью между старым и новым и производят на сегодняшнюю революционную аудиторию такое же сильное впечатление, какое они оказывали на совершенно другую аудиторию пять лет назад. Революция даже словно обострила восприятие этой пьесы, наделив ее еще

большим оттенком иронии, чем имел в виду Чехов».

В книге «В зрительном зале — Владимир Ильич» («Искусство», 1967), где ленинскому посещению «Дяди Вани» посвящена отдельная глава, я по мере сил, опираясь главным образом на печатные источники и архивные материалы, старался восстановить облик этого спектакля во всей характерности примет времени. Хотелось возможно полней передать атмосферу зала, чьи аплодисменты сливались с аплодисментами Владимира Ильича, выразившего свое впечатление в словах: «Замечательный автор, замечательные слова, замечательные артисты!» И естественно, что, прочитав уже после выхода книги публикацию рассказа Рансома, пожалел, что не знал его раньше. Мог ли я, однако, предположить, что за этим дополнением последует другое и что полвека спустя после того, как отшумели аплодисменты на описываемом мной спектакле, вдруг услышу живой голос очевидца — непосредственное повествование одного из тех, кто в тот давний мартовский вечер присутствовал одновременно с Лениным на спектакле «Дядя Ваня» в миниатюрном зале студии Художественного театра?

...Ранним утром неожиданный телефонный звонок, и спустя несколько часов я впервые переступил порог нового знакомого, профессора Московского инженерно-строительного института Тихона Петровича Чернова. Познакомил нас моя книга. Прочитанное им описание спектакля вызвало воспоминания юности и послужило поводом к телефонному звонку. И вот я слушаю его рассказ.

Жил тогда, в студенческие свои годы, Тихон Петрович в Сокольниках, и добраться от туда до студии, располагавшейся в уже не существующем ныне здании на Советской площади, было не так просто. Как ни торопился он с товарищем, — пришли, когда спектакль только-только начался.

— В зал во время действия, как знаете, в этом театре не пускали. Поднялись по широкой лестнице, Устланной

коврами, на второй этаж и стали в гостиной-фойе у рояля ждать антракта. Минут через пять появляется группа опоздавших — среднего роста мужчина, плотный, с широкой лысиной, а с ним — две женщины и человек во французской военной форме, столь необычной в тогдашней обстановке, что все внимание мы устремили на него. Мы стояли у клавиатуры. Они же подошли к «хвосту» рояля, женщины сели на кресла, а мужчины, полупершились на крышку рояля, продолжали оживленную беседу по-французски. Вгляделся я во второго собеседника — и замер. Ленин!..

Тот же, с кем он разговаривал, был, как впоследствии удалось понять, французский офицер — коммунист, участвовавший только что закончившегося Первого конгресса Коминтерна Жак Садуль.

Мы находились так близко от них, что отдельные фразы невольно долетали. Вскоре к ним подошла какая-то женщина, по-видимому, из администрации, и предложила пройти в зал.

— А какой у вас порядок?.. — мягко, но настойчиво спросил ее Владимир Ильич.

Она помялась немного и ответила, что в театре во время действия пускать не принято, но...

— Порядок распространяется на всех, — заметил Владимир Ильич и, улыбаясь, добавил: — Тем более что в опозданиях, как правило, виноваты сами опоздавшие...

Женщина вручила Владимиру Ильичу программу спектакля, и он стал ее показывать спутнику, говорить о Чехове и героях пьесы (по-видимому, и об актерах — во всяком случае послышалось как-то особенно уважительное произнесенное имя Станиславского)... Затем разговор перешел на другие темы...

Во время действия Владимира Ильич и его спутники сидели в ряду пятом-шестом (зал был переполнен, и им поставили приставные стулья). Мое место было неподалеку, и я имел возможность наблюдать, как увлечен был Владимир Ильич прои-

ходившим на сцене. Он словно растворился в зрительном зале, весь был поглощен спектаклем и как-то удивительно «вписался», если можно так сказать, в общее настроение. Смеялся, сосредоточенно слушал, горячо аплодировал по окончании действия. Кое-кто из публики, узнав Владимира Ильича, оборачивался в его сторону, но он, казалось, никого и ничего не замечал, увлеченный Чеховым и изумительной игрой Станиславского, Лилиной, Книппер, Лужского, Вишневского.

Таков рассказ очевидца. Уже нет почти никого из тех, кто встречал Владимира Ильича и делился воспоминаниями об этом. И все чаще вспоминаются слова доброго напутствия, услышанные мной когда-то от А. В. Луначарского. Тогда же, сорок с лишним лет назад, он повторил их в предисловии к составленному мною сборнику «Ленин и искусство»:

«Все, что осталось от великого вождя, представляет значительный интерес... Когда придет время, самая личность Владимира Ильича, Ленин-человек, сделается предметом внимательного и любовного изучения. Биографическое в нем, интимное в нем тоже имеет огромную, общечеловеческую ценность».

Это время пришло. Мало, повторяю, до боли мало тех, кто мог бы ныне, в канун столетия со дня рождения Ленина, пополнить существующую Лениниану новыми страницами своих личных воспоминаний. Но я верю и убежден — далеко не все еще рассказано современниками. Послужила же страничка недавно вышедшей книги своеобразными «попытками» для старого ученого, когда-то, в далекой юности, встретившего Владимира Ильича в зрительном зале, — и лишь сейчас он рассказал о виденном.

Время бежит куда быстрее, чем хотелось бы, и память свидетелей минувшего с каждым годом становится все зыбче, все расплывчатей. Чем скорее и шедшее современники поделится воспоминаниями, тем лучше для общего дела.